

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Первая книга поэта

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

От первого лица

Стихи

Хабаровское
книжное
издательство
1984

ББК 84.3
Р 2
Ш 66

Рецензент С. Ф. Крившенко
Художник М. Н. Свердлов

Ш 4702010200—20
М160(03)—84 50—84

© Хабаровское книжное издательство, 1984

О главном

Предлагаемый читателю сборник стихов Леонида Школьника, живущего и работающего в Еврейской автономной области, выходит в год для области знаменательный — год ее 50-летнего юбилея.

Полвека — срок и малый, и большой. Его оказалось достаточно, чтобы на территории между Бирой и Биджаном привольно раскинулся областной центр с крупными, всей стране известными заводами, фабриками, учреждениями культуры, чтобы на берегах Амура выросли прославленные изобилием сельскохозяйственных продуктов колхозы и совхозы.

Вырос в области за эти годы и большой отряд трудовой интеллигенции: учителя, врачи, инженеры, агрономы, поэты.

Людям, осваивавшим целину Приамурья, вырубавшим тайгу и построившим села, поселки, города, многие писатели посвятили стихи, поэмы, повести, романы. Но только поэт, родившийся на этой земле, мог так просто, искренне сказать:

И повторять я не устану:
пусть есть прекраснее края,
но здесь, у Малого Хингана,
душа прописана моя!

Душа прописана... Этими емкими словами назван первый раздел сборника.

Прежде чем самому сказать о родной для него дальневосточной земле, молодой поэт дает слово своим собратям по перу, которые пришли на эту землю, чтобы возделывать ее и воспеть. Первый среди них — Эммануил Казакевич, который в начале 30-х годов начинал здесь свой творческий путь, выпустил тут первую книжку стихов.

Хорошо об этом пишет Школьник:

И в книжечке,
наскоро изданной
(Ее и в музеях-то нет!),
Меня обожжет,
словно истина,
Добрейшей поэзии свет...

Этот свет видит он и в стихах другого старшего своего товарища, которому посвящено стихотворение «Памяти зампотеха танковой роты Исаака Бронфмана, поэта».

В этом же ряду и проникновенные строки о Николае Капусто.

Отдав дань почтения старшим, своим учителям, поэт приходит к читателю и со своим словом. Оно, слово это, «о самом главном». В чем же оно — главное? Вот как пишет об этом поэт в стихотворении «Журавушка»:

И будем главному учиться —
писать слова, творить добро.

Писать слова... Но не просто слова, а такие, которыми можно творить добро. Вспомним строку из стихотворения о Казакевиче: «добрейшей поэзии свет» — и нам станет ясно кредо молодого поэта.

Но есть у поэзии еще одна важная грань, о ней стихотворение «Поэты выступали на заставе...». Про-

стое стихотворение, казалось бы, о самом обыденном для дальневосточного литератора:

Поэты выступали на заставе,
читали о дорогах, о борьбе...

В этих стихах нас ждет важное обобщение:

...Поэзия, ты тоже, как граница
беды и счастья, боли и добра.
Тобой, я знаю, главное хранится —
неравнодушие сердца и пера.

И неравнодушие — главное.
Заканчивается стихотворение так:

И если мне порою одиноко
и всех друзей смолкают голоса,
меня хранит поэзии высокой
контрольно-следовая полоса.

Завершают сборник переводы с еврейского. Характерно сопровождающее их «Примечание переводчика»:

Я не просто стихов переводчик —
тех, что были всегда под рукой,
а людской доброты перевозчик
с одного бережка на другой...

Среди переведенных таким образом — стихи Эммануила Казакевича, Любови Вассерман, молодого еврейского поэта Зиси Вейцмана и автора этих строк.

Не все в сборнике равноценно. Есть стихи послабее, посылнее. Но есть и по-настоящему берущие за душу, такие, как «Сенокос», «Свадьба», «Капель», «Маме», «Бухенвальд», «Баллада о дворнике» и другие.

Самым же привлекательным для читателя в этом первом сборнике Леонида Школьника, пожалуй, окажется то, что к нему, читателю, тот обращается «от

первого лица» (так и книга названа) и когда хочет поведать о радости, дружбе, любви, и тогда, когда делает его соучастником горя (пронзительные стихи, посвященные памяти дочери).

В стихах Школьника вы не найдете легкомысленного трюкачества. Они полны глубокого оптимизма и светлой уверенности в том, что

Мне в этой жизни, считай, повезло:
с полем и с лесом, с целой страной.

И это действительно так.

Борис Миллер

Здесь прописана душа

НОВАЯ ТЕТРАДЬ

Я начинаю новую тетрадь.
Бреду по белу полюшку страницы.
— На мелочи души своей не трать! —
ко мне взывают улицы и лица.

— Не трать себя на мелочи! — твердят
друг из Биры, поэт из Магадана.
Я слушаю. Мне радостно и странно —
я начинаю новую тетрадь.

Я начинаю думать о судьбе,
об облаках над городом таежным,
о мелочах, которые в себе
ношу, как март, светло и осторожно.

И с чудом невозможно разминуться.
К теплу, как травка малая, тянусь.
Мне б только в мелочах не обмануться,
а в самом главном я не обманусь.

ЗДЕСЬ ПРОПИСАНА ДУША

Скрипят озябшие качели,
и грустен парк по вечерам.
А мы ничуть не постарели,
осенний мой Биробиджан.

Сентябрьским днем, июльской ночью —
ко мне добры любой порой
черемуха у старой почты,
скамейка в парке над Бирой.

Я уезжал — и не однажды,
но всякий раз — вблизи, вдали —
пересыхала, как от жажды,
душа без этой вот земли:

без этой — с сопками крутыми,
без этой — с морем сараны...
И пусть не всем известно имя
моей таежной стороны, —

в любых изысканных столицах,
в чужих гостиницах — всегда
мне этот город светлый снится
и светлая моя Бира.

И повторять я не устану:
пусть есть прекраснее края,
но здесь, у Малого Хингана,
душа прописана моя!

ЭММАНУИЛУ КАЗАКЕВИЧУ

Над улицей Вашего имени,
Над городом Ваших поэм
Озябшее солнышко зимнее,
Которое нравится всем.
И я, потихонечку топая
Среди новогодней толпы,
Останусь у старого тополя
На улице Вашей судьбы.
И старое-старое здание,
В котором Вы грелись порой,
Подарит мне чудо

нежданное:
Свидание с давней порой.

И в книжечке,
наскоро изданной
(Ее и в музеях-то нет!),
Меня обожжет,
словно истина,
Добрейшей поэзии свет...
А с неба —
высокого, синего —
Нежданно прольется тепло
На улицу Вашего имени,
Где нынче
Мне жить повезло.

ПАМЯТИ ЗАМПОТЕХА ТАНКОВОЙ РОТЫ ИСААКА БРОНФМАНА, ПОЭТА

За здравие споем. К чему — за упокой?
За то, что жил, как жил, —
спасибо зампотеху.
Он мудрый был еврей, и щедрый, и простой,
и всем любил дарить веселье и потеху.
По веку скоростей бродил он —
не летел.
Войною не сражен. Другьями
почитаем.
И в свой последний миг он
выдохнуть успел:
— Давайте про любовь на память
почитаем!..
Он до сих пор со мной — солдат
и человек,
которого война ломала —
не сломала,

веселый человек, которому век
и ласки, и любви — увы! —
не доставало.

Давно его стихи на память знаю я,
я знаю суть и горечи его, и смеха.
Среди весенних лиц,
среди ваших лиц, друзья,
мне так недостает
улыбки зампотеха!

В потертом пиджаке,
куривший все подряд, —
он в памяти моей
живет, не умирая.
...Уходит не спеша солдат, —
и по его следам летит листва сырая.

НА ВЫСТАВКЕ ФРГ «СТАНКИ-76»

В тот день в Сокольниках
ничего особенного не случилось —
апрельское солнце лучилось,
дети играли в снежки,
а кроме того, обычная выставка
открылась:
Западная Германия демонстрировала станки.

Бойкий сотрудник выставки
напорист был и решителен:
вкрадчиво глядя в глаза, всех созывая в круг,
то громко, то потихоньку
он говорил посетителям:
— Прошу обратить внимание
на технику фирмы «Крупп».

Прошу обратить внимание!..

И мы — обращали.

Мы вглядывались, смотрели

на чудо-технику, на...

В тот день на меня, на многих
в Сокольниках, в главном зале,
зловеще, темно смотрела
война...

Прятаться от этого,
конечно же,

было глупо:

мы дома, мы победили, мы просто смотрим станки,
но именно эта техника —

станки и приборы Круппа —

наши сердца и память

взяла в стальные тиски.

А женщина из Тамбова

(волосы припорошены нетающим снегом)

сказала:

— Вот это да!

Про вашу такую фирму,

господа хорошие,

я слышала очень много,

и вам понятно — когда...

Не на станки чужие —

на женщину мы глядели.

Кусочек тамбовской глины

к ее сапожку присох.

А под платком в горошек

волосы белели,

на губах дрожащих

растаял неслышно вздох...

Мы вышли из павильона.

Апрельское солнце лучилось.

У каждого прохожего беспечным казался взгляд.

Ничего в Сокольниках в тот день

не случилось.

Специалисты про выставку:

«Хорошая!» — говорят.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ КАПУСТО

В районном центре, в старом клубе,
плохой погоде вопреки,
сошлись седые жизнелюбы —
моей России старики.

Они сошлись не для совета —
житейской мудростью лучась,
пришли приветствовать поэта,
который выступит сейчас.

И он встает. И он читает,
И зал кричит:

— Еще читай!

И он читает о Чапае —
о том, что выплывет Чапай.

О первом снеге. О разлуке.
О женском профиле в окне...
И вдруг — о голоде. Разрухе.
О сорок первом. О войне.

И слов совсем уже не надо...
Война — и в памяти ясней
и ленинградская блокада,
и голос города над ней.

И слов совсем уже не надо.
И кто-то плачет... Тишина...
Взрывает памяти гранату
та, незабытая, война.

БУХЕНВАЛЬД

Автобус шел несмело, как слепой.
И вдруг остановился. Тихо стало.
Лишь слышно было, как по мостовой
капель неугомонная стучала.

Мы вышли из автобуса. Асфальт
блестел на солнце. Не смеялись дети.
И называлось это — Бухенвальд,
но печи не дымили на рассвете.

...Я видел фильм, отснятый для «друзей»
эсэсовскими киношутниками:
лежали рядом чех, поляк, еврей —
со сжатыми от боли кулаками.

Я видел на экране малыша
с огромными печальными глазами.
В нем еле-еле теплилась душа,
раздавленная теми «шутниками».

Но хватит! Я кино не досмотрел.
Я не остался в лагерной неволе.

Стоял февраль. И падала капель.
И сердце было сжато, как от боли.

КАРНАВАЛ В АЙЗЕНАХЕ

В Айзенахе — карнавал!
Пляшут взрослые и дети.
Я подобного на свете
карнавала не видал.

Ну и чудо — карнавал!
Две девчущки-погремушки
пляшут — ушки на макушке,
вместе с ними пляшет зал.

А мальчонка лет шести
улыбается счастливо:
у него в ладошке слива —
хочет маме отнести.

Ну, а мама — там, где джаз,
в самом центре карнавала.
А потом она устало
с сыном сядет возле нас.

Мы поспорим и покурим,
песни русские споем,
и расскажем об Амуре
и о городе своем.

...Посреди земли немецкой,
в очень тихом городке,
мы запомним голос детский,
сливу в маленькой руке.

КАТАЛИНА

Звучала печальная скрипка мадьяра,
и дождик стучал по дунайской волне,
и ветка каштана, как свечка, мерцала
в твоём, Каталина, высоком окне.

Мой поезд нескоро, прощанье нескоро:
был вечер осенний дарован судьбой,
и тихий, смешной ручеек разговора
петлял, как тропинка, и вел за собой.

Я помню прозрачные улицы Пешта,
где рядышком шли мы, как радость и грусть.
Друг друга понять появилась надежда,
когда ты прочла мне стихи наизусть.

Спасибо тебе, Каталина, за осень,
за Блока, за ветку каштана в окне,
за то, что сегодня в четыре ноль восемь
прощаться с тобою не хочется мне.

БАЛЛАДА О ДВОРНИКЕ

Мне кажется, что Бенчик был поэтом...
Улыбками всегда встречал он тех,
кто выходил на улицу с рассветом
и слышал кашель дворника и смех.

Казалось, вечно — даже нет вопроса! —
с метлой кружить он будет по двору,
крикливый коротышка с красным носом —
таким пугать бы только детвору!

...Но вот метла однажды замолчала.
Проспал? Уехал? Но зачем, куда?
А оказалось, Бенчика не стало.
И оказалось, это навсегда...

Врачи, солдаты, дворники, поэты —
уходят люди. Их не заменить.
Но все-таки не оборвется эта
общенья человеческого нить.

Бывал я на Камчатке и в Марселе,
всю исходил амурскую тайгу,
и счастливив тем,
что в душу мне глядели
глаза, солгать которым не могу.

Пусть миг общенья кратким был до боли, —
он в памяти навек запечатлен,
как узелок, завязанный судьбою
в сплетении событий и времен.

И в некий час прекрасного рассвета,
в любви признавшись улочкам пустым,
я вдруг увижу дворника-поэта,
идущего по листьям золотым...

* * *

Поэты выступали на заставе,
читали о дорогах, о борьбе...
Я сам читал. И слушал их. И думал
о них. И о солдатах. О себе...

Я думал: вот поэт в своей квартире
под нервный шорох вечного пера
о судьбах человечества и мира
бессонно размышляет до утра, —

но вся его бессонница и сила
хранима здесь, на краешке страны,
где полоса тревожная застыла
под небом напряженной тишины.

...Поэзия, ты тоже, как граница
беды и счастья, боли и добра.
Тобой, я знаю, главное хранится —
неравнодушие сердца и пера.

И если мне порою одиноко
и всех друзей смолкают голоса, —
меня хранит поэзии высокой
контрольно-следовая полоса.

ИЗМЕНА

Взяв билет на случайный сеанс,
в душном зале, в неволе,
я сижу, получивший аванс
в бухгалтерии боли.

...Он раздумывать даже не стал.
Даже стыдно не стало.
Предал. Продал. Доход подсчитал.
Оказалось — немало.

Бывший друг, что же взял ты взамен?
Велика ли отныне
себестоимость мелких измен
и духовной пустыни?

И какие такие долги,
и забота какая
околожили тебя, как враги,
изменять вынуждая?

...Взяв билет на случайный сеанс,
в душном зале, в неволе,
я сижу, получивший аванс
в бухгалтерии боли.

И за фильмом совсем не слежу,
и покуда он длится,
с ожиданием, надеждой гляжу
в незнакомые лица.

СЕНОКОС

Мы ставим скирды. Вымокли от пота.
Уже на травах высохла роса,
а нам Ее Величество Работа
сжигает спины и слепит глаза.

Нам тяжело, и далеко до речки,
и даже трактор глохнет на ходу,
а где-то рядом маленький кузнецик
большое солнце тащит в поводу.

Мы падаем в некошеные травы,
над нами день качается, высок.
И вдруг — о, счастье! —
раздается справа
мальчишки-водовоза голосок.

И к черту зной, безветрие, усталость,
и мы толпой срываемся туда,
где, как награда, каждому досталась
вода!

Как пацаны, мы льем ее на плечи
и снова пьем, уже не торопясь.
А рядом грустно тренькает кузнечек —
единственный непьющий среди нас.

* * *

Ах, сколько раз, в кромешной темноте
пытаясь в невозможное взглянуться,
я слышал фразу:

— Времена не те —
не те, чтобы вести себя по-детски.

Всерьез учили этому меня
за партой и в служебном кабинете,
а я смеялся:

— Те не времена,
когда себя мы не ведем, как дети!

Мы взрослые давным-давно с тобой,
но прозу бытия не принимаем —
летим ли вслед за сказкой голубой,
в четверг ли после дождичка гуляем.

...Я ухожу из дома твоего,
прощаюсь торопливо на пороге.
Пора, мой друг. И сердце ничего
не просит, кроме детства и тревоги.

* * *

Земля людей.
Оранжевое солнце
споткнется о земные небоскребы
и упадет, покатится, как мячик,
вниз, по ступенькам утреннего мира,
по лесенкам осеннего квартала, —
туда, где тишина и листопад.

И я, запоминавший в грустном парке,
в толпе берез, таблицу умноженья,
найду кусок оранжевого солнца
и запихаю в новенький портфель.

Я побегу по лесенкам вприпрыжку
наверх, в одну из комнат небоскреба,
туда, где начинается урок.
Застенчивый, как девочка, учитель,
меня увидев, ахнет удивленно,
и снимет запотевшие очки.

А Светка — задавала и толстуха —
откроет рот:
не видела ни разу
осеннее оранжевое солнце,
разбитое на тысячу кусков...

* * *

...Еще один портрет, еще одна картина.
Она невелика, и в рамке тесно ей.
Там виден детский сад,
в котором скарлатина, —
и улица полна цветущих тополей.

Сияет от росы тропинка городская,
и летней тишиной
наполнен двор любой.
Какой же это год и улица какая?
И кто это стоит в матроске голубой?

Да неужели я?
И мыслимо ли это:
в прошедшее войти, как в речку, с головой,
чтоб улыбнулся мне с июньского портрета
взлетевший над Бирой
мой город молодой?..

Ему дано лететь. А я — в руке лопатка —
к песочнице спешу. Мне только пятый год.
И в будущем еще — в учебнике закладка,
и тема предстоит — «Причастный оборот».

Еще я мал совсем и многого не знаю,
и каждый оборот по-своему непрост.
Но где-то там, вдали, — горячка выпускная
и утренний озноб неведения и слез.

Растаял школьный вальс
под новым листопадом.
Я медленно иду за давним за собой.
И завтрашний мой день вышагивает рядом —
мой пятилетний сын
в матроске голубой.

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ

Ну о чем они говорят
над измятой своей тетрадкой —
восьмиклассник-акселерат
с большеглазой акселераткой?

Наблюдаю издалека
(словно что-то во мне проснулось),
как коснулась руки рука —
робко-робко еще коснулась.

Наблюдаю улыбки их,
обособленность, отрешенность...
Среди многих задач земных
пусть не просят они решенных.

Будут беды и холода,
откровения и ранения —
лишь бы не было в душах льда
равнодушия, всепрощенья.

Предстоит им, как ни крутись,
как бы ни было это сложно,
самый главный экзамен — жизнь.
Пересдать его невозможно.

СВАДЬБА

На свадьбу летим! А потом — новоселье!
В шестнадцать ноль-ноль объявляется сбор...
И сразу на базу свалилось веселье:
утюг — самый главный сегодня прибор!

Заветные платья девчонки надели,
а друг жениха, плечи втиснув в пиджак,
гадает, куда же на прошлой неделе,
в поселок какой завозили коньяк?

А в летней тайге, под дощатым навесом,
смешные и странные в этой глуши,

сияя от счастья, жених и невеста
махнули пилоту: «Телегу глуши!»

И стало вокруг удивительно тихо.
Застыл вертолет, а над нами, над ним
комарик звенел и бесчинствовал, лихо
сверкая, как сабелькой, жалом своим.

И вот она, свадьба!
Как водится всюду,
мы дарим подарки и песни поем,
и вдребезги — к счастью! — колотим посуду,
но прежде, как водится, все-таки пьем.

Я счастлив, что видел такое веселье.
Я свадьбу такую забыть не смогу,
где птицы, как гости, на ветках сидели,
где гости, как птицы, слетелись в тайгу,

где были, как водится, длинные речи,
где звезды насквозь пробивали навес,
где, легкий платочек накинув на плечи,
сидела прекраснейшая из невест...

МАМЕ

...А ночами я пишу про тайгу
и про медленный ее листопад.
А про маму написать — не могу.
Понимаешь, не могу написать.

Я по просекам брожу до утра.
Засыпаю, покурив у костра.
И мне снится — я пишу про тайгу.
А про маму написать — не могу.

Я слова о ней коплю, берегу.
Улыбаюсь и молчу невпопад.
Но однажды на речном берегу
я сумею про нее написать.

Надо мною зашаманят ветра.
Искры вырвутся снопом из костра,
И лицо ее взойдет над строкой,
как осенняя звезда над рекой...

* * *

От первого крика до смертного вздоха,
от ранних побед до последних утрат,
услышу твой голос — пусть даже оглохну,
пусть даже ослепну — приду наугад.

ЖУРАВУШКА

Памяти Люды

1.

В старом, выцветшем пиджаке,
удивительно неуклюжий,
проскачу на одной ноге
я какие захочешь лужи.
Много книжек тебе куплю,
даже варешку залатаю,
потому что тебя люблю,
моя доченька золотая.
Вот ты вырастешь и поймешь,
как грустил временами папка;
вспомнишь, как вечерами, в дождь,
приносил он цветов охапки;

как любил он глаза людей,
незнакомых и живших рядом,
с не погасшим на склоне дней,
удивительно ясным взглядом.
И когда ты поймешь меня,
ты сумеешь навек влюбиться
в этот дождь на исходе дня
и в прекрасные эти лица...

2.

Приходит доченька из школы,
а у нее в чернилах нос.
— Смотри, — скажу ей, — в роще голой
совсем ничейный бродит пес.
— Возьми, — скажу, — на кухне хлеба
и накорми беднягу пса,
а то скулит и смотрит в небо,
и прячет грустные глаза...
— Собака глупая и злая, —
придя, пожалуется дочь, —
она сбежала, громко лая,
а я хотела ей помочь...
— Ну что ж, — скажу, — давай трудиться:
отмоем нос, возьмем перо
и будем главному учиться —
писать слова, творить добро.
Пускай в твоей тетради белой
живут пятерки круглый год,
а пес, пронюхав это дело,
однажды сам к тебе придет!

3.

В черной шубке, щеки — красные,
вся — по горлышко — в снегу,

приходила краше праздника.
Не могу...
На коньках, раскинув лапушки,
хлоп! — и падала на лед...
Зайка твой теперь у бабушки
нарисованный живет.
У него усы зеленые.
Плачет он, такой смешной.
Все слезиночки — соленые.
Сладкой — нету ни одной...
Ты хотела стать журавушкой,
чтобы крылья за спиной.
Не успела. Стала травушкой,
теплой травушкой лесной.
Горя тихая отметина,
горше не было и нет:
шкафчик твой открою медленно,
а на шубке — тает снег...

* * *

Ты вырастаешь из себя.
Трещат по швам рубашки детства.
И никуда уже не деться
от слова взрослого — судьба.

Но ты — как в школе. Ты — малыш:
несмело топчешься, не умеешь,
и ничего-то не умеешь,
и, глупый, даже не шалишь...

КАЛЕНДАРЬ

Я школьник. Мне всего четырнадцать годков,
и в дневнике моем не лучшие отметки;

и у меня в руке
сосулька — я готов
за шиворот ее пристроить толстой Светке.

Бегу я за весной, догнать ее хочу,
и радуюсь тому, что дни-денечки мчатся,
но замечаю вдруг, что реже хохочу
и с мамой все больней надолго разлучаться...

И замечаю вдруг, что в парке над рекой
я не был тыщу лет и что соседский Вовка
жениться захотел на девочке такой —
пушинка! — рядом с ней дышать — и то неловко.

На улице весна, веселая, как встарь.
Я медленно иду по снегу пожилому.
Как времечко летит! Все тоньше календарь,
ранимее душа,
стремящаяся к дому...

* * *

Продавали цветы на Таганке.
На морозе хрустел целлофан.
А в проулочке чудо-цыганку
иностраннный студент целовал.

Он из Кении был или с Кубы.
А она — ниоткуда была.
Подставляла горячие губы —
как волшебный напиток пила.

И весенних цветов продавщица,
оборвав: «Продаем! Продаем!»,
загляделась на юные лица
и вздохнула о чем-то своем.

Отодвинув букеты живые,
сев на краешек мерзлой скамьи,
загрустила, считая впервые
не рубли, а потери свои.

КАПЕЛЬ

Если хотите — на крыши взгляните:
в каждой сосулке — по солнечной нити.

Залы читальные вмиг опустели —
слушают книжники песню капли!

В парке, где стынет березка нагая,
песня капли звучит не смолкая.

Даже трамвайчик, идущий до рынка,
светел и весел, как в лужице льдинка.

Чудо великое в марте случилось —
солнышком каждое слово лучилось!

...Помнишь, мы тоже с тобою хотели
вместе прислушаться к песне капли?

* * *

Сегодня,
когда мы будем молчать,
ты услышишь эти стихи...
Живешь в государстве Доброты
королевой этого государства.

А я всего лишь бедный придворный,
и на званом обеде в твою честь
я подношу гостям
стихи на огромном блюде:
— Угощайтесь, угощайтесь, господа!
Пожалуйста, господа, прошу вас!..
Ты довольна.
И они довольны:
ты гостеприимная хозяйка.
А знаешь,
я тоже доволен:
они расхватили самые большие куски,
и на огромном блюде
осталось тихое и маленькое стихотворение,
которое сегодня,
когда мы будем молчать,
ты услышишь...

* * *

Та женщина, которая была
твоей душой, дыханием и болью...
Ты ждал ее — ну а она ушла,
чтоб никогда не встретиться с тобою.

И та звезда, упавшая в леса, —
она тебе напомнила, сгорая,
что есть вторые снег или гроза,
но нет судьбы, которая вторая.

Да, жизнь горька порою, как беда,
и слов для объяснений не находит.
Звучит соната. Падает звезда.
И женщина любимая уходит.

* * *

Не смейся. Я очень серьезный товарищ.
Иду на зеленый, не зная вины.
Но если на свете нельзя без аварий,
ты врежься в меня метеором шальным.

Ну, врежься! Я стану веселой планетой.
Я, может, от счастья с орбиты сойду
и, не дожидаясь зеленого света,
на красный пойду у тебя на виду.

Не смейся. Ты просто нужна мне, как чудо,—
на улицах этих, в таежном краю.
Не знаю, не знаю, когда и откуда
пришла ты однажды на землю мою,

но знаю — наступит единственный вечер,
когда в тишине голубой-голубой
я грустно и бережно все же отмечу,
что даже и облако пахнет тобой...

* * *

Было холодно вначале,
но, как я того хотел,
ливень начисто печали
смыл — и душу отогрел.

Лес глазами провожаю.
Поезд к дому тороплю.
Наконец-то знаю, знаю,
как тебя люблю...

ЗА ПОЛЧАСА ДО ЯНВАРЯ

Прервем-ка диалог у елки новогодней
и кнопку нажмем — прости, магнитофон!
Сударыня моя желает знать сегодня,
по-прежнему ли я в сударыню влюблен.

Но это ведь пустяк, нелепая затея,
и прерван диалог совсем не для того,
чтобы ронять слова, безудержно краснея,
за полчаса, январь, до взлета твоего.

Да что там полчаса! — полжизни пролетело —
за январем январь, как часики — тик-так...
И женщина моя признанья захотела.
А вот признаться ей — уж это не пустяк.

Любимая моя, пока с тобой мы живы,
давай не прерывать прекрасный диалог.
Давай пробудем впредь
добры, несуетливы,
и я скажу тебе
все, что сказать не мог.

Включай магнитофон. Мы встретились с тобою,
не прячась за слова, былого не тая.
Мы — на одной земле, под елочкой одною,
а это не пустяк, сударыня моя.

ЛЮБОВЬ

...И осенило — последней любви
не повторится, зови не зови.
Не повторится. Такая — одна.
Душу и сердце спалила до дна.

Думал — и пусть, проживу без души.
Думал — запрчусь в квартирной глуши.
Думал — такая любовь не по мне.
Но на рассвете увидел в окне
город, навывлет пробитый дождем,
город, в котором мы были вдвоем,
город, в котором нас осень свела,
город, в котором и полночь светла...

Что же ты, город, со мной натворил:
душу и сердце любовью спалил —
я ведь не стою без них и гроша!..
Но шевельнулась под пеплом душа,
но обожженное сердце, взойдя,
болью откликнулось шуму дождя.

И, растворив на рассвете окно,
понял я — с сердцем любовь заодно.
...Сердце мое, откликайся, боли —
праздную чудо последней любви.

* * *

...Всего-то, чтобы рассвело,
чтобы тропю, как судьбою,
тебя по просекам вело
лесное солнце за собою;
и чтобы ветра спелый свет
летел в цветах и травах мая,
как голубой велосипед —
звения и спицами мелькая.

Природе благодарен будь:
в ее красе разнообразной

важна не сутолока — суть,
не праздность ценится,
а праздник.

И, видимо, совсем не зря,
пленный нежностью мгновенной,
ты вдруг почувствуешь — нельзя
с природой быть неоткровенным...

ЧУДО ЗИМЫ

Итак, начинается проза зимы:
нахохлились птицы на голых кустах,
и в парке пустом, от прогулок устав,
сидим на холодной скамеечке мы.
Картина зимы горожанам ясна:
река потемнела, и скверик продрог,
и шайбу-ледышку на стыке дорог
гоняют мальчишки с утра дотемна.
Одну из машин — посмотри! — занесло,
шоферы сигналият, кланя гололед,
и катер последний по речке идет,
свинцовую воду меся тяжело.
Да, осень уходит, но следом за ней
зима начинает свое колдовство:
душа согревается уж оттого,
что небо над рощицей
льдинки ясней.
Над городом медное солнце встает
и колет лучами
нетающий лед,
и вдруг понимаем, озябшие, мы —
оно начинается, чудо зимы.

* * *

Снег идет — и стыдно закурить! —
так он чист, застенчив и неспешен.
Петь охота никогда не певшим,
невозможно прозой говорить.

Мельтешенье, суета сует
не должны отныне повториться.
Снег идет. И светится на лицах
то, чему названья даже нет.

НА ЛЫЖНЕ

По накатанной лыжне —
легче и быстрее.
Но такая — не по мне.
Я иду своей.
Зарываюсь носом в снег,
слышу за спиной
— Вроде взрослый человек,
а такой смешной!
Мимо гончики летят
друг за дружкой в ряд, —
видно, очень не хотят
скорость потерять.
Шумно дышат на бегу —
слышно далеко...
Ну а я стою в снегу
и дышу легко.
Ничего на свете нет
чище и добрей,
чем тишайший этот снег
в лапушках ветвей.

Привалюсь плечом к сосне —
тишина кругом...
Впрочем, я не о лыжне —
о совсем другом.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Мне в этой жизни, считай, повезло:
с полем, и с лесом, и с целой страной.
Горе и радость, удача и зло
не обходили меня стороною.

Впрочем, и сам не пытался я жить
набело, начисто, без потрясений,
без — на свиданье к любимой спешить,
без — поклониться калине осенней,
без — задохнуться от дыма костра,
без — говори мне, что очень любила...

Мне повезло — я не жил на «ура».
В жизни, как водится, всякое было.

Но из любых передрыг выходя,
я благодарен земле, на которой
даже негромкая песня дождя
в трудные дни становилась опорой.

С одного бережка на другой

ПЕРЕВОДЫ

ПЕСЕНКА О СТАНЦИИ ТИХОНЬКОЙ

Где на сопках синих
солнышка с излишком,
станция стояла —
маленькая слишком.
Тихонькая — станция,
робкий огонечек.
Но однажды маятный
выдался денечек:
зашумела станция,
поезда встречая
из Орла и Жмеринки,
Умани и Гая.
Все переселенцы
местностью довольны —
сопками крутыми
и простором вольным,
сочными лугами,
где лишь ветер бродит...
— Значит, остаемся?
— Таки-да, выходит!
— Эй, товарищ Мойше,
вымолвите слово:
кто там возле станции —
тигр или корова?
— Что же, тигр — неплохо,
но корова лучше...
Тихонькая — станция —
в будущее ключик.
Те, кто в эшелонах
шумных приезжают,
город свой построить

над Бирой мечтают —
солнечный, как песня,
юный и прекрасный,
как улыбка, светлый,
как удача, ясный!

ТАЙГА

Тайге предоставлено слово,
гражданка Тайга говорит:
— Тропинка то гаснет, то снова,
как будто фонарик, горит.
Вы видите — моет речонка
корней золотистый металл,
и кроны деревьев, как челки,
мой ветер легко разметал.
И лунные травы качая,
проносятся бурундуки,
и белки орехи швыряют
в лесные свои сундуки.
Летучие мыши мелькают,
а утром, едва рассветет,
олень, горделиво ступая,
к воде одиноко идет...
Мой ветер взволнован и резок,
он чем-то похож на прашу.
Эй, люди с огнем и железом,
сюда вас я не пушу!
Вы ждали, но ветер не сдался,
и я не настолько добра,
чтоб запросто вам доставался
березовый свет серебра.
Вы, люди, на зависть упрямы
и, лишь посветлеет окрест,

приходите вы с топорами
в уснувший, задумчивый лес.
И валяются в теплые травы
деревья и хлопя коры.
Я слышу, как слева и справа
коварно стучат топоры.
Я лес поднимаю в сражение,
мой ветер похож на пращу.
Эй, люди, вы все в окруженье,
я вас никуда не пущу!..
— Гражданка Тайга, не шумите,
спокойно, гражданочка, ша!
Мы — биробиджанцы, поймите,
шипящая ваша душа!
Проклятья и злость бесполезны.
Сильнее всего — Человек.
Пусть холод, наветы, болезни —
мы здесь остаемся навек!

7 МАЯ 1934 ГОДА

Утром седьмого мая
над городом дождь случился.
Он тараторил бойко,
бил в барабаны крыш.
И, наигравшись вволю,
в сопках зеленых скрылся —
в начале месяца мая
веселый дождик-малыш.

Так начиналось утро:
тропинок не выбирая,
мальчишки бежали в школу
по лужам вперегонки.

И пестрое стадо с мычаньем
За пастухом зашагало,
и в этот же час к Хингану
вышли промысловики.

И в этот же час блеснуло
солнце в небесной шири,
охапки лучей швыряя
в окна новых домов.

И в синеву потянулся
самый весенний в мире,
счастливый и юный город, —
я славить его готов.

Мой город — добрый хозяин:
проворно, не суетливо,
он снарядил подводы,
послал в село семена,
на трактора забросил
бревна для новостроек,
гудками провозглашая:
— С приходом тебя, весна!

А ветер, как гость случайный,
в квартиру мою ворвался,
множество разных подарков
стал раздаривать он:
запахи трав и почек,
прозрачные звуки вальса,
гомон птиц и мальчишек
и — телефона звон.

Чей это голос в трубке?
Быть может, голос соседа?
А может быть, это сердце
Мое на ветру поет?

Но, честное комсомольское,
нет радости большей, чем эта:
— Сегодня, седьмого мая,
объявлена область!
Вот!

И возникает митинг!
И каждый требует слова!
Пляшет казак амурский,
бороду разметав.
И звуки звонкого «шера»
разносятся снова и снова,
и плачет старая Хана,
к казачьей груди припав.

А я говорю ей:
— Хана,
поплачьте, слез не стыдитесь.
Медики рекомендуют
плакать нам иногда.
И все же сквозь слезы,
Хана,
на миг хотя бы взглянуть
в эти дома и улицы,
во все, чем область горда.

Она из тайги дремучей
вставала, меняя облик,
на месте болот недавних
построила Биробиджан.
И нынешний общий праздник,
твой праздник рожденья,
область, —
радость и в сельском доме,
и в коммунальных хоромах горожан.

И в г. снова гремят оркестры,

И

на солнце кумач пылает,
люди поют и пляшут,
и песня рвется в зенит.
И в мощном людском потоке
каждый из нас понимает:
сделано очень много,
но сколько еще предстоит!

* * *

Я молод. И часто, вечерней порою,
без меры шутил, тосковал без причины.
И сердце веками не холил в покое, —
горячее, верное сердце мужчины.
Я сдерживал волю свою, как дыханье,
но мускулы пели, готовые к бою, —
то вдруг начинал говорить я стихами,
то вдруг замолкал в тишине травостоя.
Я вскачь по таежным распадкам носился,
и вздрагивал конь подо мной от испуга.
Он даже кустов, как волчат, сторонился
и глазом косил на случайного друга...
Я молод. Со мною такое бывало:
я плакал, свалившись на мшистую землю.
И все же беда меня с ног не сбивала —
безбедную жизнь ну никак не приемлю!
Судьбе не поставлю меня на колени —
я молод, и верю в призванье поэта:
я песню пою о моем поколении,
о нашей Отчизне, что ярче рассвета.
В лучах восходящего солнца большого,
отмеченный дружбой людей настоящих,
мечтаю сказать настоящее слово
о преданных делу,
о верности хранящих!

●

ЯБЛОНЯ

Посадил человек яблоню.
Было это давно.
Запах ее цветенья
сладок, словно вино.

Человек воевал с тайгою,
песни об этом пел.
Там, где он жил в палатке,
скверик зазеленел.

Но человек однажды
умер — жизнь такова.
В музей унесли палатку,
а память о нем жива.

Она по весне, как яблоня,
вновь зацветает там,
где вырос в глуши таежной
город Биробиджан.

БИРОБИДЖАН — МОЙ ДОМ

Хочу, чтоб знали все, всем рассказать хочу:
Биробиджан — мой дом, душой к нему лечу.
К вам, пахари, творцы, строители дорог:
не где-то — только здесь
любви моей исток.
Я среди вас, друзья, трудилась и жила,
писала по ночам, костры утрами жгла,
и по ночам опять писала о тебе,

мой город у Биры, единственный в судьбе!
Так шел за годом год, и не забыть вовек:
болотам и тайге не сдался человек.
И вырос у Биры наш светлый, добрый дом,
в котором мы с тобой, счастливые, живем!
Пусть юность пронеслась, как бирская вода,
но город молодым остался навсегда.
И я хочу друзьям напомнить об одном:
Биробиджан — мой дом.
И песнь моя — о нем.

МЕЧТА

Сосульки горят,
как волшебные свечи,
и в мире становится очень светло.
И детям, как чудо,
свалилось на плечи
февральского снега живое тепло.
Ныряя в сугробы на лесенках улиц,
танцуют они — и теплеет зима.
Прощай, моя старость, —
я в сказку вернулась.
и, кажется, даже танцую сама.
Отнюдь не прохожий, в сторонке стоящий, —
я вместе с детьми веселюсь и пою.
И это — мечты моей

свет настоящий,
согревший и сердце, и песню мою.
А что еще матери нужно на свете?!
Жила бы мечта голубая, как снег,
да в мирные игры играли бы дети,
войные и несчастья не зная вовек!

РОДНИК

Я стою одна на берегу.
Восхищенные спрятать не могу:
мне под ноги бросила Бира
горсти ледяного серебра.
Снег шуршит, нашептывая мне:
— Подходи, не прячась в стороне!..
Улыбаюсь, не пойму сама —
неужели все это — зима?
Из-под глыбы ледяной возник
юркий по-весеннему родник.
Брызги пахнут свежестью, чисты,
как зазеленевшие кусты.
Думаю я, глупый человек, —
ведь январь, и холодно, и снег,
так взялась откуда впереди
радуга у речки на груди?
Не стихает звонкий родничок,
как с ладони, с мельницы течет,
и сверкают капельки-огни,
словно праздник празднуют они.
Голос мне почудился вдали:
— Эй, родник, ты родом из земли,
подо льдом ты набирался сил,
ни о чем, родившись, не спросил.
Рвешься к свету, требуешь тепла,
ну а это — главные дела..
Понимаю ясно и легко:
год велик, и чудо велико.
Вот и ветер выдумал игру —
укачал, как девочку, Биру.
Лишь родник (ведь чудо велико)
мне кричит:

— Апрель недалеко!

СНЕГ

Все бело в этом мире.
Даже звезды белы.
Ухожу из квартиры
в тихий сумрак Биры.

Звезды падают с неба
и не тают в руке,
словно искорки снега
на январской реке.

Замечтавшись о чем-то,
что вздыхаешь, поэт?
Может, вспомнил девочку
восемнадцати лет?

Может, глаз ее тайна
в некий час у реки
подсказала случайно
две земные строки?

Впрочем, я тебя старше,
да и жизнь посложней.
Не одни только марши
и симфонии в ней.

Но за каждой бедою,
за любой из потерь
видеть жизнь молодою, —
суть лишь в этом, поверь.

Не снежинки, а камни?
Снегопад молчалив?
Тронь снежинку губами
и услышишь мотив.

Будет музыка литься
с высоты на Биру
и высвечивать лица,
приобщая к добру...

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Длинна моя дорога и крута,
и вьется рядом с поездом моим.
А синих сопок дальняя гряда
напоминает паровозный дым.
Мне грустно у вагонного окна
дышать июньским ветром и теплом.
Вы далеко. Осталась я одна,
без вас, друзья, любившие мой дом.
Мне грустно — я уехала от вас,
со мной деливших счастье и беду.
Мы попрощались, как в последний раз, —
так,
будто к вам я больше не приду.
И все-таки
я к вам приду, друзья, —
без стука, незаметно, до поры,
и улыбнусь:

— Пришла проверить я,
по-прежнему ли вы ко мне добры...

ЗИНОВИЙ ВЕЙЦМАН

СВАДЬБА

Свадьба пенилась,
как пиво,
и, забыв усталость,

все задумались ревниво:
что кому досталось?
Приглашенным —
стол богатый.
Шум и гам — соседям.
Первый тост достаясь
сватам,
а друзьям —
последний.
Мамочке —
покой под старость.
Плясунам — удача!
Ну, а мне
жена
досталась.
Кто меня богаче?

КОСТЕР

Костер мой, ты снишься и видишься мне,
как маленький всадник на красном коне.
Охапками искры летят в небеса,
трепещут в немом изумленье леса:
откуда обильный такой звездопад?
Не звезды, а искры, да, искры летят!
Костер мой, останься в друзьях у меня,
согрей мое сердце в ладонях огня.
Останься и в снег, и в несчастье со мной —
веселый, живой огонечек ночной.
Чтоб всадником красным на красном коне
ты путь освещал и указывал мне!

я слишком рано жаловаться начал.
 Мне, как и встарь, сопутствует удача,
 и я намерен это доказать.
 Шумит зеленый сад моей души,
 цветут деревья, и не гаснут звезды,
 и, как вино, пьянят роса и воздух —
 хоть до скончания века им дыши!
 Я всем, что свято для меня,
 клянусь,
 что муза от меня не убежала.
 Свидетельство, что прочен наш союз, —
 вот эта песня,
 что сейчас звучала.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Ты не шей мне новых одеяний...

И. Бронфман

Не портной я — клянусь, это точно! —
 не бесстрастный раскройщик красот:
 важен мне перевод не построчный —
 посердечный ценю перевод.

Я не просто стихов переводчик —
 тех, что были всегда под рукой,
 а людской доброты перевозчик
 с одного бережка на другой...

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Миллер. О главном 3

Здесь прописана душа

Новая тетрадь	8
Здесь прописана душа	8
Эммануилу Казакевичу	9
Памяти зампотеха танковой роты Исаака Бронфмана, поэта	10
На выставке ФРГ «Станки-76»	11
Вечер поэзии Николая Капусто	13
Бухенвальд	14
Карнавал в Айзенахе	15
Каталина	16
Баллада о дворнике	16
«Поэты выступали на заставе...»	17
Измена	18
Сенокос	19
«Ах, сколько раз, в крошечной темноте...»	20
«Земля людей. Оранжевое солнце...»	21
«...Еще один портрет, еще одна картина...»	21
Перед экзаменом	22
Свадьба	23
Маме	24
Журавушка	25
«Ты вырастаешь из себя...»	27
Календарь	27
«Продавали цветы на Таганке...»	28
Капель	29
«Сегодня, когда мы будем молчать...»	29
«Та женщина, которая была...»	30
«Не смейся. Я очень серьезный товарищ...»	31
«Было холодно вначале...»	31

За полчаса до января	32
Любовь	32
«...Всего-то, чтобы рассвело...»	33
Чудо зимы	34
«Снег идет — и стыдно закурить!..»	35
На лыжне	35
От первого лица	36

С одного бережка на другой.

Переводы

Эммануил Казакевич

Песенка о станции Тихонькой	38
Тайга	39
7 мая 1934 года	40
«Я молод. И часто, вечерней порою...»	43

Любовь Вассерман

Яблоня	44
Биробиджан — мой дом	44
Мечта	45
Родник	46
Снег	47
Моим друзьям	48

Зиновий Вейцман

Свадьба	48
Костер	49
Песня	50

Борис Миллер

Клен	50
Ладонь	51
Песня	51

Примечание переводчика	52
----------------------------------	----

Леонид Борисович Школьник

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Редактор *Е. А. Грушко*

Художественный редактор *А. В. Колесов*

Технический редактор *Т. А. Костюченко*

Корректор *В. Е. Черевко*

ИБ № 982. Сдано в набор 22.11.83.

Подписано к печати 20.01.84. ВЛ 06010.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

2,05 усл. печ. л. 2,02 уч.-изд. л. 2,19 усл. кр.-отт.

Тираж 3000 экз. Заказ 3333. Цена 20 коп.

Хабаровское книжное издательство

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 краевого управления издательств,

полиграфии и книжной торговли,

680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Школьник Л. Б.

Ш 66 От первого лица. Стихи. — Хабаровск: Кн. изд., 1984. — 56 с.

Молодой поэт из Еврейской автономной области предстает в своей первой книге как автор гражданственных и лирических стихов-раздумий о сути человеческих отношений, любви, природе и как переводчик с еврейского стихов Э. Казакевича, Л. Вассерман, Б. Миллера и других.

ББК 84.3

Р 2

4702010200—20

50—84

Ш М160 (03)—84

20 коп.

